

СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ УДМУРТИЯ С 1920-Х ДО 2000-Х ГГ.

О.А. Балабейкина¹, В.Ю. Коробущенко²

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, гуманитарный факультет,
кафедра региональной экономики и природопользования

² Санкт-Петербургский государственный университет

¹ Доц., канд. геогр. наук; e-mail: olga8011@yandex.ru

² Магистр геоурбанистики; e-mail: parkkeva@gmail.com

Цель исследования – выявить основные факторы, причины, особенности и характер протекания процесса ликвидации сельских населенных пунктов Республики Удмуртия, имевшего место преимущественно с конца 1930-х гг. по настоящее время. Эмпирической основой исследования послужили интерактивный «Атлас исчезнувших деревень Удмуртии», правовые документы, закрепляющие факт ликвидации населенных пунктов, нестатистические сведения, а также информация, предоставленная Удмуртстатом по официальному запросу авторов. Собранные данные были обработаны с помощью методов контент-анализа, анализа и синтеза, картографического метода и расчета коэффициента Спирмена.

Представлена общая картина процесса упразднения сельских населенных пунктов Удмуртии, способствующая целостному представлению о характере его протекания в ретроспективе и современности. Детально процесс упразднения рассмотрен на территориях Воткинского и Ярского муниципальных районов Республики Удмуртия. Первый отличается разнообразием условий и факторов ликвидации, а второй является типовым в этом отношении.

В пределах Воткинского р-на было ликвидировано по меньшей мере 48 населенных пунктов. Причины разнились в разные исторические периоды. В начальный период существования СССР они сводились к массовой ликвидации индивидуальных сельских хозяйств, возникших в 1920-х гг. в период коллективизации. В 1960–1970-е гг. массовой ликвидации, реализованной в рамках директивы о ликвидации неперспективных сел и деревень, послужила их небольшая людность и крупный миграционный отток населения, имевший место с 1950-х гг. Населенные пункты ликвидировались и по причине изъятия заселенных территорий под водохранилище строящейся ГЭС, а также в связи с истощенностью лесных ресурсов.

Основными причинами упразднения являются обезлюдение, признание поселений бесперспективными и их дальнейшее исключение из учетных данных.

Кроме того, авторами уделяется внимание современным процессам ликвидации сельских поселений, где главным фактором остается их обезлюдение и хозяйственная заброшенность. Обозначаются современные тенденции, связанные с фактами образования новых деревень на месте некогда упраздненных.

Ключевые слова: система сельского расселения, деревня

DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.6.9

ВВЕДЕНИЕ

Система расселения страны и ее отдельных регионов развивается динамично, претерпевая изменения, обусловленные экономическими, политическими, социокультурными, природными процессами. В результате их воздействия населенные пункты могут разрастаться, привлекая людей для постоянного проживания и увеличиваясь в численности и площади. Одновременно возможны и обратные процессы, когда города, поселки, села и деревни утрачивают население вплоть до полного обезлюдения. Оно, в свою очередь, приводит к исключению населенных пунктов из учетных данных.

Тема ликвидации поселений, безусловно, актуальна для России и ее отдельных регионов. Страна

переживала периоды, когда села и деревни упразднялись целенаправленно и директивно, не только в силу причин, продиктованных урбанизационными процессами или особенностями этапа экономического развития.

В целом, кроме отдельных случаев, исключение поселений из учетных данных воспринимается негативно, поскольку влечет за собой тяжелые социальные последствия. Поэтому исследование соответствующих процессов актуально и в аспекте поиска баланса эффективности территориального управления, с одной стороны, и благополучия населения – с другой. В последнем случае речь может идти не о материальном благосостоянии, а о комфорте, связанном с возможностью проживания в из-

бранном месте или, наоборот, осуществления переезда, если к этому имеется расположенность.

На фоне развития технических и транспортных средств, обеспечивающих качественное автономное проживание и мобильность населения, в последние годы фиксируется тенденция к образованию поселений, формально не зарегистрированных, но имеющих сезонное население. Как правило, его составляют дачники, потомки местных жителей, стремящиеся вернуться к родовым истокам, а также лица, предпочитающие проводить отпускной период в уединении.

При располагающих к этому условиях упраздненные некогда населенные пункты могут быть восстановлены в статусе имеющих постоянное население. Одним из субъектов РФ, на территории которого на протяжении длительного периода интенсивно ликвидировались поселения, является Республика Удмуртия. Регион отличается и высоким интересом населения к упраздненным населенным пунктам: в 2017 г. в д. Сеп Игринского р-на начал работать Народный музей исчезнувших деревень. Кроме того, фиксируются случаи регистрации вновь образованных поселений на месте некогда снятых с административного учета.

Исследования, послужившие теоретической и информационной опорой при разработке заявленной темы, можно разделить на несколько смысловых групп. В первую очередь это труды, касающиеся системы расселения сельской местности – ее структуры, тенденций и закономерностей развития и преобразования, ведущих отечественных специалистов: А.И. Алексеева [Алексеев, Имангулов, 2022], Н.В. Зубаревич [Зубаревич, 2017], Т.Г. Нефедовой [Нефедова, 2022] и др.

Важными для понимания процессов, протекающих в системе расселения сельской местности, являются результаты изысканий зарубежных ученых, уделявших внимание типологизации поселений [Stanny et al., 2021], социальной значимости «бесперспективных территорий» [Rodríguez-Pose, 2018], причинам и факторам обезлюдения сел и деревень [Sørensen et al., 2021; Mihailova, Ivanov, 2023]. Для реализации представленного исследования важны и труды, тематически связанные с системой расселения Республики Удмуртия [Кудрявцев и др., 2015].

Отдельную теоретико-методологическую ценность представляют труды, в которых рассмотрен процесс ликвидации населенных пунктов на примерах конкретных регионов РФ. Представленная одной из первых в отечественном научном обороте работа, непосредственно связанная с заявленной тематикой, была выполнена А.А. Ткаченко, И.П. Смирновым, А.А. Смирновой и касалась результатов реконструкции сельского расселения Тверской обл. [Смирнов и др., 2020].

Вслед за ней были опубликованы труды, в содержании которых объектно-предметной областью выступали упраздненные сельские населенные пункты некоторых других административно-территориальных субъектов РФ – Республики Карелия [Балабейкина, Коробущенко, 2023], Мурманской [Савоскул, Алексеев, 2021], Омской областей [Петров, 2019] и др. Результаты узкотематических исследований, проведенных на разных полигонах и отражающих процесс снятия с административного учета деревень, сел и др., служат в качестве опорной модели. Обращение к структуре и содержанию такого рода работ помогает выстроить оптимальную последовательность действий при очередной попытке осмысления и отражения проблемы упразднения сельских поселений в случае оперирования фактическими сведениями, касающимися конкретного региона, как это имеет место по отношению к Республике Удмуртия.

Важно учитывать и результаты исследований, авторы которых уделяют пристальное внимание причинам упразднения населенных пунктов в РФ [Соколова, 2016; Никонов, 2022; Янковская, 2021], поскольку в них содержатся общие необходимые сведения для понимания факторов ликвидации сел и деревень в целом по стране и в пределах отдельных территориальных образований. Практическое и теоретическое значение имеют работы, где обозначены дальнейшие перспективы вовлечения территорий ликвидированных сел и деревень в хозяйственное развитие регионов [Балабейкина, Геталова, 2024].

Отдельного упоминания заслуживают научные публикации, в которых анализируются правовые документы, выступающие основанием для снятия поселений с учета в РФ [Дамбуев, 2019; Попов, 2019; Праскова, 2011].

Анализ содержания указанных трудов позволяет утверждать, что эмпирическая база, отражающая процесс ликвидации и восстановления населенных пунктов в Удмуртии, весьма солидна и доступна для вовлечения в исследования. Однако комплексному научному осмыслению эти данные не подвергались. Цель исследования – выявить основные факторы, причины, особенности и характер протекания процесса ликвидации поселений, имевшего место в Республике Удмуртия с конца 1930-х гг. до современности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую основу исследования составили такие источники, как интерактивный «Атлас исчезнувших деревень Удмуртии» [Атлас..., 2023]; правовые документы, закрепляющие факт ликвидации населенных пунктов; нестатистические сведения, представленные на порталах тематических

интернет-сообществ. С целью получения полной и достоверной информации о фактах и причинах ликвидации населенных пунктов авторы осуществляли официальный запрос в территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике (Удмуртстат), на который последовал содержательный ответ¹.

Собранные данные были обработаны с помощью методов анализа и синтеза данных открытого доступа. Использовался и картографический метод. Для выявления взаимосвязи между площадью территорий районов и количеством упраздненных населенных пунктов в их пределах был рассчитан коэффициент Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В современных границах Республика Удмуртия имеет площадь 41,2 тыс. км² и характеризуется высокой степенью дробности административно-территориального деления, включая в свой состав пять городских округов и 25 муниципальных р-нов. Она была учреждена в конце 1934 г. путем преобразования из одноименной автономной области и постепенно расширялась за счет присоединения территорий, ранее относящихся к Кировской обл. Очертания региона и его внутренняя структура, близкие современным, сформировались в 1960-е гг.

Согласно сведениям, собранным в «Атласе исчезнувших деревень Удмуртии», за весь советский период в республике было упразднено не менее 2373 населенных пунктов. В среднем каждый район лишился 95 поселений. Лидером в данном отношении является Кезский (399 пункта), в том время как наименее активно процесс упразднения протекал в Камбарском р-не (21 пункт) (рис. 1). В некоторой степени такая диспропорция объясняется различиями в площади административных единиц: коэффициент Спирмена между двумя наборами данных равен 0,59, а критерий Фишера – 0,003, что свидетельствует о наличии умеренной прямой корреляции и ее статистической значимости. Необходимо, однако, учитывать, что густота сети населенных пунктов зависит от географических условий местности, истории ее освоения и прочих факторов.

Если рассматривать процессы ликвидации населенных пунктов в республике в хронологическом порядке, обнаружится, что первые преобразования в этом направлении, носившие массовый характер, относятся к концу 1930-х – началу 1940-х гг. (реже – к 1920-м гг.). Причина – политика государства по отношению к отдельным хозяйствам. Земельным кодексом РСФСР, действовавшим с декабря 1922 г.,

устанавливалась возможность участкового землепользования, реализуемая в том числе через выход на хутора и отруба. Такие единоличные хозяйства назывались выселками и починками.

Хуторская система сельского хозяйства просуществовала недолго, поскольку шла вразрез с планом всеобщей коллективизации. В мае 1939 г. руководством СССР было подписано постановление «О сселении дворов колхозников, проживающих на бывших участках хуторского землепользования, в колхозные селения», предполагавшее реализацию к сентябрю 1940 г. На уровне регионов партийными органами издавались аналогичные по содержанию документы. Таковым было, например, постановление СНК УАССР от 16 августа 1939 года № 105714 «О сселении хуторских хозяйств к центральным колхозам по Киясовскому району».

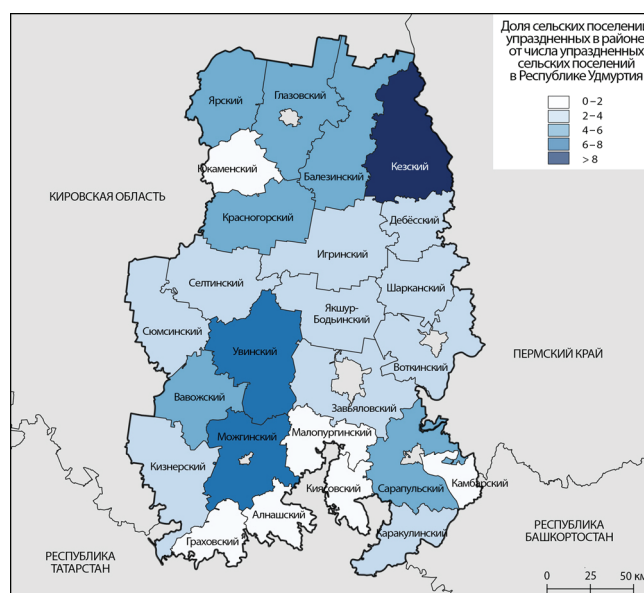

Рис. 1. Доля упраздненных сельских населенных пунктов в разрезе по районам Республики Удмуртия.

Источник: составлено авторами по [Атлас..., 2023]

Fig. 1. The share of abolished rural settlements by districts of Udmurt Republic.

Source: compiled by the authors based on [Atlas..., 2023]

На основании этих документов Указом Президиума Верховного Совета УАССР от 5 июня 1941 г. массово снимались с учета поселения единоличников. Примерами можно указать выс. Песьянка Воткинского р-на; поч. Агеево, Винокурово, Гурапи (Верх. Чепык) Дебесского р-на; д. Яшемель Игринского р-на; д. Шарaborы, поч. Лекомувыр, Рябиновский, Сеткай, Троегоры Кезского р-на.

Некоторые поселения, например поч. Макаровский (Макар-починка) Дебесского р-на, Холодный Ключ Кулигинского р-на и д. Гусево Воткинского

¹ Зарегистрировано как «Входящий 1543/4.8.2-03 от 21.11.23».

р-на, прекратили свое фактическое существование еще в 1930-е гг. Причинами стали попадание под раскулачивание, самоликвидация, вступление жителей в состав ближайшего колхоза.

На уровне постановлений Пленума ЦК КПСС к планомерной ликвидации сельских населенных пунктов вернулись в конце 1959 г. Принятое тогда решение о реорганизации «регионального и внутрихозяйственного планирования» стало базой для выработки Академией строительства и архитектуры СССР конкретных предписаний. Согласно таковым, поселения, расположенные в сельской местности, подразделялись на «перспективные» и «неперспективные». Считалось, что последние следовало упразднить. Перспективность оценивалась по таким составляющим, как транспортная доступность населенного пункта, высокий уровень экономического развития и численность населения 1–1,5 тыс. чел. Деревни и села Удмуртии, которые и до войны 1941–1945 гг., принесшей большие людские потери, были преимущественно небольшими, соответствие таким критериям выдержать не могли и массово попадали в перечень неперспективных.

Фиксируется немало примеров сельских населенных пунктов, ликвидированных еще до выхода официального постановления в 1959 г. В частности, в 1955 г. на основании отдельных Указов Президиума Верховного Совета УАССР выселки Михайловка Алнашского р-на, Терехи и Трудовая Пчела Воткинского р-на, Байкашур Дебесского и т. д. были исключены из списка населенных пунктов.

В 1950-е гг. многие поселения обезлюдели фактически, т. е. не только в связи с укрупнением колхозов, но и по причине оттока населения на освоение целинных земель. Юридически эти нежилые поселения были сняты с административного учета также в 1959 г. – поч. Матвеевский Дебесского р-на, Васьякалуд, Дэменлуд, Иванквашур Игринского р-на и т. д.

Но особенно массовый характер ликвидация сел и деревень стала носить с 1960-х гг., когда власти приступили к реализации соответствующих постановлений и рекомендаций.

Между фактическим опустением или признанием поселения неперспективным и формальной ликвидацией могли проходить десятилетия. Например, д. Сырян (Средний Сырян) Граховского р-на попала в перечень предназначенных для упразднения в 1960-е гг., а снята с учета в 1978 г. Опустение д. Бибаньгурт (Кельмекей) Дебесского р-на началось в 1960-х гг., а официально она перестала числиться как населенный пункт только в середине 1980-х гг. Здесь же находилась д. Сылызь, в 1973 г. насчитывавшая 40 чел. населения и признанная неперспективной; формально она была снята с учета только в 1983 г.

В 1980 г. деление сельских поселений на перспективные и не являющиеся таковыми было отменено решением того же государственного органа, который предлагал эту систему в 1960 г. Но сеть населенных пунктов уже была разрушена, процессы обезлюдения в сельской местности Удмуртии продолжались.

Новым документом, на уровне государства закрепляющим процесс ликвидации поселков, деревень и сел в России, стал Указ Президиума ВС РСФСР от 17 августа 1982 г. «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР». Он частично сохраняет актуальность, хотя в постсоветской России были выпущены законы от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» и № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 (отредактирован 14.07.2022).

Ликвидация сел и деревень Удмуртии имела место в 1990-е и в 2000-е гг. Так, только 22 июня 2004 г. было исключено из учетных данных 92 населенных пункта. Из них 15 – в Кизнерском р-не; 12 – Якшур-Бодьинском; 10 – Балезинском, Ярском, 7 – Кезском, 6 – Красногорском; 5 – Селтинском, Шарканском; 3 – Воткинском, Можгинском; по 2 – в Глазовском, Игринском и Камбарском; по одному – в Дебесском, Завьяловском, Казмасском, Сюмсинском р-нах. Во всех случаях причиной упразднения было длительное отсутствие в населенном пункте постоянного населения и зарегистрированного в собственности недвижимого имущества.

Актуальный закон рассматриваемого субъекта РФ, в котором отражены условия ликвидации населенных пунктов в пределах его территории, именуется «Об административно-территориальном устройстве Удмуртской Республики» от 19 октября 2006 г. за № 46-РЗ. Содержанием ст. 17 декларируется, что упразднению подлежат населенные пункты, в которых длительное время (свыше трех лет) отсутствуют граждане, постоянно или преимущественно проживающие в указанном населенном пункте, и (или) находящееся в собственности физических и юридических лиц недвижимое имущество.

Этим критериям вполне соответствовали поселения, ликвидированные постановлениями Государственного совета Удмуртской Республики во втором – начале третьего десятилетия XXI в. В 2011 г. на указанных основаниях была упразднена д. Лыштанка Кизнерского р-на; в 2013 г. поч. Молодежный Завьяловского р-на; в 2015 г. д. Чулья Кизнерского р-на; в 2017 г. Дома 1016 км, Дома 1024 км, Дома 1050 км, Дома 1055 км Можгинского р-на и д. Старая Казанка Кизнерского р-на; в 2021 г. Дома 1128 км, дерев-

ни Феокистово и Тюрики Ярского р-на; в 2022 г. д. Юклята Кезского р-на.

Снятые с учета починки и деревни отдалены от административных центров, и возможность их возрождения в обозримой перспективе отсутствует. В ответ на направленный авторами запрос о предоставлении информации об использовании площадей перечисленных ликвидированных поселений Постоянной комиссией Государственного совета Удмуртской Республики по государственному строительству и местному самоуправлению сообщается, что земли населенных пунктов переданы для ведения личного подсобного хозяйства, но не используются, так как не востребованы.

Для получения более детального представления о характере процессов ликвидации поселений в рассматриваемом регионе следует сосредоточить внимание на его отдельных районах. В качестве таковых были выбраны Воткинский и Ярский районы. Первый – как наиболее полно сосредоточивший причины ликвидации населенных пунктов, а второй – как типовой в этом отношении.

«Атлас исчезнувших деревень Удмуртии» содержит сведения о 48 ликвидированных населенных пунктах Воткинского района. Хронологически процесс их упразднения открывается 5 июня 1941 г. и обусловлен упомянутым выше постановлением Президиума Верховного Совета УАССР, которым снимались с учета индивидуальные хозяйства. В Воткинском р-не примерами таковых были выселок Песьянка и починок Тихой Ключ.

В 1955 г. официально упразднили выселок Трудовая Пчела и д. Терехи (Бажуково). До этого времени, еще с 1950 г., когда объединили колхозы, оба населенных пункта стремительно теряли население, переселявшееся в центральную колхозную усадьбу д. Двигатель и в г. Воткинск. Аналогичные направления миграционных процессов были и в д. Захарки, но она подверглась ликвидации несколько позднее – в 1963 г. Путем объединения с д. Болгуры в 1956 г. была упразднена д. Гусево.

Далее процессы ликвидации населенных пунктов Воткинского р-на были связаны не только с укрупнением сельских поселений, но и с введением в эксплуатацию крупных промышленных объектов, а также истощением ресурсов для работы добывающих предприятий.

В 1955 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР о строительстве Воткинской ГЭС, в результате осуществления которого ряд поселений Камского сельского совета попадали в зону затопления водами водохранилища. Решение о переносе населенных пунктов было принято еще в 1954 г., но переселение жителей началось в 1957 г. В результате перестали существовать д. Гамы, Гараны,

Демино, Зебеи, Заболотово, Соколы и др., формально упраздненные в 1963 г.

Сохранялась и тенденция ликвидации населенных пунктов, обезлюдевших в связи с переездом жителей. В том же году, что и подвергшиеся затоплению деревни, был снят с учета как несуществующий выселок Ольховское, хотя еще в 1955 г. в нем числилось 56 чел. Видимо, они переселились за это время в более крупные населенные пункты.

Как неперспективные были ликвидированы д. Каменный Ключ (1963), Малиновка и Костенки (1967) и др.

Еще одна тенденция упразднения населенных пунктов в Удмуртии связана с теми из них, которые были образованы в 1930-х гг. как лесозаготовительные. К середине 1960-х гг. лесные ресурсы, обеспечивавшие функционирование соответствующих предприятий, были исчерпаны. Соответственно, обезлюдели и были ликвидированы пос. Калиновский (1963), Безречный лесоучасток и Мутовки (1966), кордон Черновского лесничества (1984).

Сохранялась и роль гидроэнергетических станций: решение о переселении населения д. Патраково из зоны затопления Нижнекамской ГЭС было принято в 1974 г., а упразднено поселение было в 1977 г. В 1983 г. по этой же причине ликвидирована д. Паздеры, территория которой так и не была задействована под площадь водохранилища.

Таким образом, в советский период в пределах Воткинского р-на были сняты с административного учета десятки сельских населенных пунктов. Основные причины ликвидации сводятся к коллективизации, миграционному оттоку из села в город, выполнению директивы о ликвидации неперспективных сел и деревень в 1960–1970-е гг., строительству и введению в эксплуатацию Воткинской ГЭС, истощению лесных ресурсов.

В постсоветский период в Воткинском р-не продолжались процессы, вызывающие отток населения и обезлюдение поселений. В связи с экономическим кризисом, сопровождающим смену политического и экономического устройства, в 1994 г. был закрыт Костоватовский дом отдыха, а 10 лет спустя официально упразднен поселок, образованный при нем. Тогда же были ликвидированы нежилые поселения – разъезд Метляки Гавриловского сельсовета и Дома 62 км Июльского сельсовета.

В качестве типового в отношении причин ликвидации населенных пунктов следует рассмотреть Ярский р-н. Согласно «Атласу исчезнувших деревень Удмуртии», в нем было упразднено 109 поселений в период как минимум с 1939-го (возможно, не ранее 1924-го) по 2021 г. (рис. 2).

Ликвидации подвергались сельские поселения различных типов – деревни, починки, выселки,

хутора, разъезды, отрубы, одиночные домохозяйства при мельницах. Основная их часть возникла в XIX в. и предреволюционный период. Старейший из ликвидированных пунктов – Кушман, основанный в 1662 г.; наиболее поздний по времени основания пункт – Дома 1107 км (1971). Как минимум 12 поселений возникли в XVIII в., из них Большое Малагово, Верхняя Чура, Комарово и Полом были образованы в 1710 г., а Шулегово и Каравай – в 1717 г.

Наиболее распространенной судьбой поселений стало прекращение упоминания их в списках населенных пунктов и невключение в последующие переписи населения: это относится к 83 поселениям района (76,1% от общего числа упразднений). Данные кейсы должны сопровождаться соответствующими приказами и постановлениями, однако обнаружить их в свободном доступе удается не всегда.

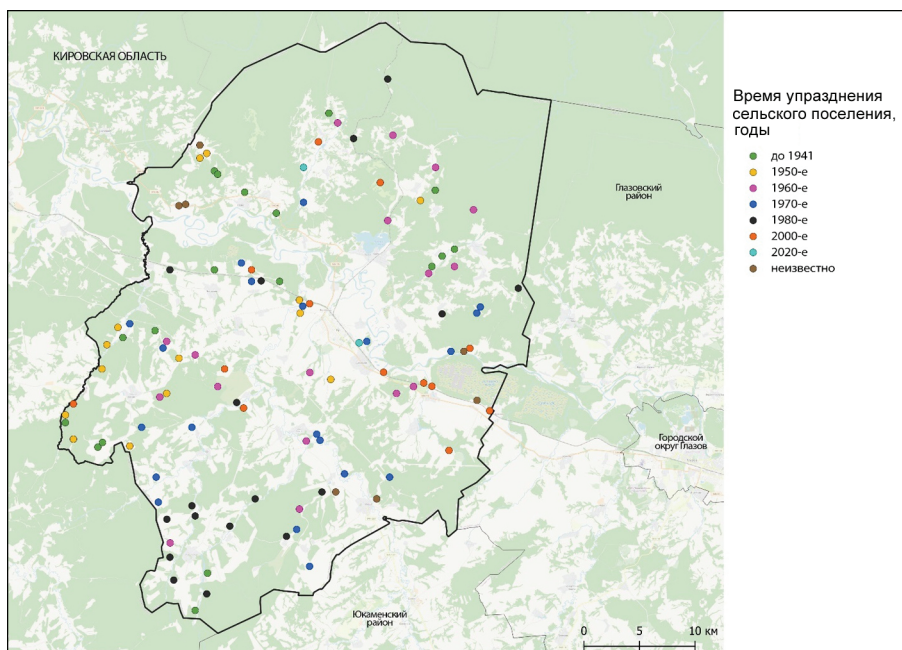

Рис. 2. Упраздненные сельские населенные пункты Ярского района Республики Удмуртия по времени упразднения.

Источник: составлено авторами по [Атлас..., 2023]

Fig. 2. Abolished rural settlements of the Yarsky district of Udmurt Republic by time of abolishment.

Source: compiled by the authors based on [Atlas..., 2023]

В пределах рассматриваемого района 12 поселений (11%) были официально ликвидированы путем снятия с учета в связи с обезлюдением и бесперспективностью. В сущности то же самое, хотя без официального указания конкретной причины, коснулось пяти (4,6%) поселений. Территории пяти пунктов (4,6%) не утратили селитебной функции, будучи либо включенными в близлежащие более крупные поселения, либо объединенными с другими поселениями и образовавшие такие образом новые населенные пункты. Еще о четырех поселениях (3,7%) сведений не имеется.

Единственным населенным пунктом, выделяющимся среди других, является д. Сосновка, на территории которой была сформирована воинская часть. Конечной причиной ликвидации, впрочем, значителен обезлюдение.

В довоенный период было упразднено 18 населенных пунктов, в период 1950–1970 гг. – 31, в пе-

риод 1970–1990 гг. – 38, позже 2000 г. – 15 (рис. 3). Два поселения были упразднены в период с 1939 по 1955 г., по одному – позже 1971 и 1980 гг. О трех поселениях сведений нет. Годами-рекордсменами по количеству ликвидированных поселений являются 1971, 1965 и 1989 гг. (20, 15 и 12 пунктов соответственно). Некоторые из пунктов существовали очень короткий период. Так, хутора Лубнина и Казаковский были образованы в 1920 г., а 1925-й уже является годом их последнего официального упоминания.

Следует, однако, учитывать, что между последним упоминанием населенного пункта в официальных документах и его упразднением могли пройти многие годы. Так, поч. Поздеевский прекратил упоминаться в 1939 г., а упразднен был в 1955 г. Другими кейсами являются д. Гушино и разъезд Дома 1122 км, для которых даты последнего упоминания и упразднения приходятся соответственно на 1965/1971 и 1989/2001 гг. В связи с этим в слу-

чае отсутствия иных сведений даты были приравнены друг к другу. Более того, в списках населенных пунктов могли не упоминаться поселения, на тот момент все еще имевшие постоянное население, например в поч. Мысомлянск на момент прекращения упоминания в 1926 г. проживало 28 человек.

На фоне продолжающихся процессов обезлюдения и ликвидации сельских поселений фиксируются и случаи возвращения некогда упраздненным селам и деревням статуса населенных пунктов, имеющих постоянное население. Это касается, напри-

мер, д. Мувыр Игринского р-на (2008) и д. Лубянка Сарапульского р-на (2010). Последняя была упразднена в 1986 г., но в «Атласе исчезнувших деревень Удмуртии» не упоминается, как и д. Русский Сармак Кизнерского р-на, ликвидированная в 1984 г. и восстановленная в 2011 г. В 2019 г. были вновь образованы деревни Родники Красногорского р-на и Большие Котляки Якшур-Бодьинского р-на. Первая была исключена из учетных данных в 1978 г., а вторая была ликвидирована в 1963 г. в связи с переселением населения по причине укрупнения сел и деревень.

Рис. 3. Динамика количества упраздненных поселений Ярского р-на Республики Удмуртия, 1924–2021 гг. (составлено авторами). *Примечание:* даты последнего упоминания и упразднения поселений приравнены друг к другу

Fig. 3. Dynamics of the number of abolished settlements in the Yarsky district of the Udmurt Republic, 1924–2021 (compiled by the authors). *Note:* the dates of the last mention and the abolition of settlements are equal to each other

Территории упраздненных некогда населенных пунктов заселяются благодаря развитию системы индивидуального сельского хозяйства и агротуризма. Эти два направления характерны для дестинаций указанного типа в Удмуртии. В отличие, например, от Республики Карелия, где в упраздненных населенных пунктах сохранились историко-архитектурные объекты, интересные для экскурсионного осмотра (деревянные культово-культурные, жилые и хозяйственные постройки), существенного потенциала для познавательных туристских маршрутов в ликвидированных селах и деревнях Удмуртии не имеется.

ВЫВОДЫ

Научное осмысление процесса ликвидации сел и деревень на уровне регионов и их отдельных районов в настоящее время имеет высокую теоретическую и практическую значимость. Данное направление рурологии находится на начальных этапах развития, поэтому важны и методологические разработки, и приращение фактических знаний по указанной тематике. На практике фиксируются неоднократные слу-

чай, когда ранее упраздненные поселения вновь заселяются, а площади их используются под хозяйство.

Удмуртская Республика выступает примером субъекта РФ, в пределах которого ликвидация населенных пунктов осуществлялась на протяжении всего периода с момента образования.

Во многом процесс исключения поселений из учетных данных отражает общие тенденции социально-экономического развития. Так, в 1920–1930-х гг. в Удмуртии, согласно открывшимся возможностям, возникает большое количество поселений, образованных индивидуальными хозяйствами (починки, выселки). Вскоре они были массово ликвидированы в связи с корректировкой курса государственного развития сельского хозяйства.

Большая часть сельских населенных пунктов Удмуртии были небольшими по численности населения и не выдерживали установленных в 1960 г. критериев перспективности. Поэтому большей частью причиной ликвидации выступает исключение сел и деревень из учетных данных. Начатый в 1960 г. этот процесс активно продолжался в 1970–1980-е гг. Процессы обезлюдения начались еще

в 1950-е гг. Жители сельских районов массово выезжали с целью поиска работы на освоении целинных земель, в крупные города.

В 1960-х гг. в районах, где природные условия к этому располагают (Воткинский р-н), некоторые села и деревни упразднялись в связи со строительством и введением в эксплуатацию крупных ГЭС и изъятием селитебных площадей под водохранилища.

Немногочисленны на общем фоне примеры ликвидации лесозаготовительных рабочих поселков, основанных в 1930-х гг., а к середине 1960-х гг. оказавшихся в зоне истощенных лесных ресурсов.

Заметно на обезлюдении и упразднении сельских поселений Удмуртии сказался кризис, сопро-

вождавший распад СССР и создание нового экономического порядка. Обезлюдившие в 1990-х гг. села и деревни в массовом порядке официально упразднялись в начале 2000-х гг.

Однако Республика Удмуртия является примером средоточия познавательного интереса населения к упраздненным поселениям, успешной реализации попыток сохранить историко-культурное наследие ликвидированных сел и деревень. Кроме того, в пределах региона имеются неоднократные примеры инициированного фактически проживающими гражданами образования новых деревень на территориях, некогда снятых с административного учета. Такая позитивная тенденция открывает перспективы для дальнейших исследований в затронутой области знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.И., Имангулов Л.Р. Сельская местность Башкирии: преобладающие типы и особенности трансформации в постсоветский период // Крестьяноведение. 2022. № 4. С. 109–132. DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-109-132.
- Балабейкина О.А., Геталова А.С. Упраздненные поселения в системе расселения и туристско-рекреационном хозяйстве Архангельской области // Псковский региональный журнал. 2024. Т. 20. № 1. С. 107–120.
- Балабейкина О.А., Коробущенко В.Ю. Упраздненные поселения Карелии: прошлое и настоящее // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 1. С. 90–97. DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-1-90-97.
- Дамбуев И.А. Орфография топонимов в зеркале современного регионального законодательства // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. С. 45.
- Зубаревич Н.В. Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // Международный сельскохозяйственный журнал. 2017. № 2. С. 12–14.
- Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л., Сидоров В.П. Особенности Ижевской агломерации и экономические перспективы ее развития // Экологический консалтинг. 2015. № 3(59). С. 30–34.
- Нефедова Т.Г. Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания // Известия РАН. Серия географическая. 2022. № 1. С. 69–81. DOI: 10.31857/S2587556622010101.
- Никонов В.В. Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 546–556. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-546-556.
- Петров Ю.В. Процессы упразднения населенных пунктов на юге Тюменской области в период 1989–2018 годов // Горные ведомости. 2019. № 1. С. 88–95.
- Попов С.А. О роли законодательных органов государственной власти субъектов РФ в регулировании топонимической номинации // Неофилология. 2019. № 20. С. 491–501. DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-20-491-501.
- Праскова С.В. Упразднение муниципальных образований: критерии допустимости // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 57–64.
- Савоскул М.С., Алексеев А.И. Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) // Крестьяноведение. 2021. № 3. С. 111–123. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-111-123.
- Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. Итоги проведения политики сселения малых деревень в Нечерноземье (на примере Тверской области) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2020. № 4. С. 105–115.
- Соколова Е.В. Ключевые причины исчезновения деревень Колосовского района Омской области в 1950–1980-е гг. // Вестн. Омского гос. аграрного ун-та. 2016. № 2. С. 261–268.
- Янковская Г.А. Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 119–137.
- Mihailova M., Ivanov B. The change in social infrastructure in rural Bulgaria, *Rural Areas and Development*, 2023, no. 18, p. 37–52, DOI: 10.61517/RAD/2023/18.0300.
- Rodríguez-Pose A. The revenge of the places that don't matter (and what to do about it), *Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, no. 1, p. 189–209, DOI: 10.1093/cjres/rsx024.
- Sørensen J.F.L., Svendsen G.L.H., Jensen P.S. et al. Do rural school closures lead to local population decline? *Journal of Rural Studies*, 2021, no. 1, p. 226–235, DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.016.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A. The Socio-Economic Heterogeneity of Rural Areas: Towards a Rural Typology of Poland, *Energies*, 2021, no. 14(16), p. 1–23, DOI: 10.3390/en14165030.

Электронный ресурс

Атлас исчезнувших деревень Удмуртии. URL: <https://lost-villages.udsu.ru> (дата обращения 10.02.2023).

Поступила в редакцию 19.12.2023
После доработки 05.06.2024
Принята к публикации 15.10.2024

REDUCTION IN THE NUMBER OF RURAL SETTLEMENTS IN THE REPUBLIC OF UDMURTIA DURING 1920S–2000S

O.A. Balabeikina¹, V.Yu. Korobushchenko²

¹ Saint Petersburg State University of Economics, Faculty of Humanities,
Department of Regional Economics and Nature Management

² Saint Petersburg State University

¹ Associate Professor, Ph.D. in Geography; e-mail: olga8011@yandex.ru

² Master in Geourbanistics; e-mail: parkkeva@gmail.com

The purpose of the study is to identify the main factors, causes, features and nature of the abolishment of rural settlements in the Udmurt Republic, that took place mainly since the late 1930s. The empirical basis of the study is the interactive “Atlas of Disappeared Villages of Udmurtia”, legal documents confirming the fact of abolishment, non-statistical information, as well as information provided by Udmurtstat at the official request of the authors. The collected data are processed using the methods of content analysis, analysis and synthesis, cartographic method and calculation of the Spearman’s correlation coefficient.

A general picture of the abolishment process of rural settlements in Udmurtia is presented. The process is examined in detail for the Votkinsky and Yarsky districts. The former is characterized by a variety of causes and factors of abolishment, and the latter is a typical one in this context.

At least 48 settlements were abolished in the Votkinsky district. During particular historical periods the reasons were different. In the initial period of the USSR, the mass abolishment of individual agricultural farms was caused by the collectivization. In the 1960–1970s the mass abolishment, implemented within the framework of the directive on the abolishment of unpromising villages, was caused by their small population and large migration outflow that took place since the 1950s. Settlements were also abolished due to the confiscation of areas for water reservoirs and hydroelectric power stations, as well as because of the depletion of forest resources.

The main reasons of abolishment were depopulation, recognition of settlements as unpromising and their further exclusion from accounting data.

In addition, the authors pay attention to modern abolishment of rural settlements, when the main factors are their depopulation and economic abandonment. Current trends associated with the formation of new villages replacing once abolished ones are also identified.

Keywords: rural settlements system, village

REFERENCES

- Alekseev A.I., Imangulov L.R. Sel’skaja mestnost’ Bashkiri: preobladajushhie tipy i osobennosti transformacii v postsovetский period [Rural areas of Bashkiria: prevailing types and features of transformation in the post-Soviet period], *Russian Peasant Studies*, 2022, no. 4, p. 109–132, DOI: 10.22394/2500-1809-2022-7-4-109-132. (In Russian)
- Balabeikina O.A., Getalova A.S. Uprazdnennye poselenija v sisteme rasselenija i turistsko-rekreacionnom hozjajstve Arhangel’skoj oblasti [Abolished settlements in the system of settlement and tourist and recreational economy of the Arkhangelsk Region], *Pskov Journal of Regional Studies*, 2024, no. 1, p. 107–120. (In Russian)
- Balabeikina O.A., Korobushchenko V.Yu. Uprazdnjonnye poselenija Karelii: proshloe i nastojashhee [Past and present of the abolished settlements in the Republic of Karelia], *Historical Geography Journal*, 2023, no. 1, p. 90–97, DOI: 10.58529/2782-6511-2023-2-1-90-97. (In Russian)
- Dambuev I.A. Orfografiya toponimov v zerkale sovremenno-go regional’nogo zakonodatel’sstva [Orthography of place names in the mirror of modern regional legislation], *Mir nauki. Sociologija, filologija, kul’turologija*, 2019, no. 4, p. 45. (In Russian)
- Kudryaftsev A.F., Lekomtsev A.L., Sidorov V.P. Osobennosti Izhevskoj aglomeracii i jekonomicheskie perspektivy ee razvitija [Specific features of the Izhevsk agglomeration and economic prospects of its development], *Jekologicheskij konsalting*, 2015, no. 3(59), p. 30–34. (In Russian)
- Mihailova M., Ivanov V. The change in social infrastructure in rural Bulgaria, *Rural Areas and Development*, 2023, no. 18, p. 37–52, DOI: 10.61517/RAD/2023/18.0300.
- Nefedova T.G. Prostranstvennaja differenciacija sel’skohozjajstvennogo proizvodstva v Rossii v uslovijah prirodnogo i social’nogo opustynivaniya [Spatial differentiation of agricultural production in Russia under conditions of natural and social desertification], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk, Serija geograficheskaja*, 2022, no. 1, p. 69–81, DOI: 10.31857/S2587556622010101. (In Russian)
- Nikonov V.V. Proekt “snosa” 26 selenij Moskovskoj oblasti iz-za dejstvovavshih v nih pravoslavnyh hramov. 1951 g. [Unrealized project of “demolition” of 26 villages of the MOSCOW region on account of functioning orthodox churches (1951)], *Vestnik arhivista*, 2022, no. 2, p. 546–556, DOI: 10.28995/2073-0101-2022-2-546-556. (In Russian)
- Petrov Yu.V. Processy uprazhnenija naselennyh punktov na Yuge Tjumenskoj oblasti v period 1989–2018 godov [Processes of the abolishment of settlements in the South

- of the Tyumen region in the period 1989–2018], *Gornye vedomosti*, 2019, no. 1, p. 88–95. (In Russian)
- Popov S.A. O roli zakonodatel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub'ektov RF v regulirovanii toponimicheskoy nominacii [On the role of legislative bodies of state power of the subjects of the Russian Federation in toponymical naming regulation], *Neofilologija*, 2019, no. 20, p. 491–501, DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-20-491-501. (In Russian)
- Praskova S.V. Uprazhdenie municipal'nyh obrazovanij: kriterii dopustimosti [Abolishment of municipal bodies: criteria of admissibility], *Zhurnal Rossijskogo prava*, 2011, no. 3, p. 57–64. (In Russian)
- Rodríguez-Pose A. The revenge of the places that don't matter (and what to do about it), *Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, no. 1, p. 189–209, DOI: 10.1093/cjres/rsx024.
- Savoskul M.S., Alekseev A.I. Traektorii transformacii odnoj neperspektivnoj derevni (na primere derevni Kuzreka Terskogo rajona Murmanskoy oblasti) [Trajectories of transformation of an unpromising village (case study of the Kuzreka village, the Tersk district of the Murmansk region)], *Krest'janovedenie*, 2021, no. 3, p. 111–123, DOI: 10.22394/2500–1809-2021-6-3-111-123. (In Russian)
- Smirnov I.P., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. Itogi provedeniya politiki sseleniya malyh dereven' v Nechernozem'e (na primere Tverskoj oblasti) [The results of the “resettlement of small villages” policy in the non-Chernozem area (case study of the Tver region)], *Vestn. Mosk. Un-ta, Ser. 5, Geogr.*, 2020, no. 4, p. 105–115. (In Russian)
- Sokolova E.V. Kljuchevye prichiny ischeznovenija dereven' Kolosovskogo rajona Omskoj oblasti v 1950–1980-e gg. [Key reasons for vanishing of villages in the Kolosovsky district of the Omsk region in 1950–1980], *Vestn. Omskogo gos. agrarnogo un-ta*, 2016, no. 2, p. 261–268. (In Russian)
- Sørensen J.F.L., Svendsen G.L.H., Jensen P.S., Schmidt T.B. Do rural school closures lead to local population decline? *Journal of Rural Studies*, 2021, no. 1, p. 226–235, DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.09.016.
- Stanny M., Komorowski L., Rosner A. The Socio-Economic Heterogeneity of Rural Areas: Towards a Rural Typology of Poland, *Energies*, 2021, no. 14(16), p. 1–23, DOI: 10.3390/en14165030.
- Yankovskaya G.A. Negativnye posledstviya sovetskikh gidroenergeticheskikh proektov: formaty i praktiki memorializacii [Adverse effects of Soviet hydropower projects: formats and practices of memorialization], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2021, no. 4, p. 119–137. (In Russian)
- Zubarevich N.V. Razvitie sel'skih territorij Rossii, social'nye i gendernye problem [Development of rural territories in Russia, social and gender problems], *Mezhdunarodnyj sel'skohozjajstvennyj zhurnal*, 2017, no. 2, p. 12–14. (In Russian)
- Web source*
Atlas of disappeared villages of Udmurtia, URL: <https://lost-villages.udsu.ru> (access data 10.02.2023).

Received 19.12.2023

Revised 05.06.2024

Accepted 15.10.2024